

Шерсть у дикого кабана жёсткая, а кожа толстая, её приходилось выжигать долго, чтобы затем можно было соскрести щетину до корня. Особенно уши и копыта: эти части нужно было отрезать и отдельно прокалить повторно, иначе в труднодоступных местах оставались грубые корни щетины. Даже если мясо потом уварится до мягкости, такая щетина будет колоть губы и портить весь вкус.

Бянь Хун взялся за кухонный нож и начал соскребать подгоревшую щетину. Время для этого было выбрано идеально - под ножом, вслед за обугленными волосками, открывалась плотная, чуть желтоватая корка кожи, чистая, как будто отполированная.

Юань Дин с серьёзным видом помогал ему, вооружившись небольшой лопаткой. Он сидел на корточках, крошечный по сравнению с огромной тушей, и всё же, несмотря на свой возраст, уже давно переступил границу обычного детства. После смерти отца он научился сам добывать пропитание, прятаться от холода и заботиться о младшем брате, выживая в ожидании, пока вернётся старший.

Вскоре братья вдвоём дочиста обработали целую тушу, и теперь, глядя на эту махину весом под двести-триста цзиней, ломали голову, как бы её перетащить на дощатый разделочный стол, чтобы промыть и начать разделку.

И как раз в этот момент в доме открылась дверь - из неё вышел Жун Фэн. На руке с нетронутым плечом он держал сонного, ещё не до конца проснувшегося Гуаньбао.

Малыш Гуаньбао, проснувшись, сразу заметил, что рядом нет брата Си, даже брата Юаньдина нигде не видно. Нижняя губа его тут же дрогнула, он был готов расплакаться, но, подняв глаза, увидел спящего в постели Жун Фэна. И в тот же миг, как гусеница, начал копошиться под одеялом, юркнул в его объятия и, сопя и всхлипывая, прижимался к груди, жалуясь, что потерял своих братьев.

Жун Фэн спал довольно крепко, но с трудом мог игнорировать суету у себя под боком. Открыв глаза и обнаружив в объятиях малыша, он на миг опешил, а потом вспомнил: это младший брат того самого ланьцзюня.

Гуаньбао был ребёнком открытым и быстро привыкал к людям. С самого начала он невольно тянулся к Жун Фэну, восхищаясь его силой, его могучей фигурой. В свои три года он ещё не умел задумываться, как старший брат, не знал, что такое осторожность, не читал по лицам, не чувствовал, что нужно угождать.

Юаньдин же совсем другой. Он уже понимал, что на его плечах ответственность. Он знал, что если не будет работать, то станет обузой для брата Си; что в чужом доме нужно вести себя осторожно, чтобы их принимали, чтобы им разрешили остаться. Он всегда спрашивал, можно ли есть мясо, можно ли брать то или иное, всегда ждал одобрения.

Он был опорой своему старшему брату, который сам из последних сил держался на плаву, и одновременно защитником и нянькой своему младшему, который ещё жил в

полубессознательном детском мире. И потому в свои семь лет Юаньдин уже научился выдерживать удары жизни.

Именно благодаря заботе двух братьев, которые с таким терпением и любовью оберегали его, Гуаньбао сумел сохранить ту детскую чистоту, что часто теряется в беде. Он по-прежнему умел доверять, умел быстро привязываться к новым людям, открыто дарить свои чувства.

Жун Фэн посмотрел на малыша, прижавшегося к нему, как котёнок, и поспешил подняться. Он неловко, но с удивительной осторожностью помог Гуаньбао одеться. Тот, увидев, что «Большой Лев» проснулся и заботится о нём, тут же перестал хныкать, а когда рубашка была застёгнута, весело раскинул руки, как птенец, и потребовал: «На ручки!»

Когда Жун Фэн, чуть замученный и совсем неуклюже держа на руках малыша, наконец вышел во двор, его встретила живая, тёплая суета: вся семья уже собралась на улице. Слепую старуху усадили на скамейку у двери в главную комнату, её лицо, руки и вся фигура были залиты мягким, тёплым светом. Она держала в руках грубую ткань и иглу, на ощупь перебирая края шва, и улыбалась, счастливо и миротворённо.

А тот самый маленький ланьцзюнь, который проснулся неизвестно когда, уже дочиста счистил всю тушу дикого кабана. Завидев Жун Фэна, он поднялся и махнул рукой:

— Кстати, иди-ка сюда, поможешь мне перетащить.

Гуаньбао, увидев обоих братьев, начал вырываться из рук Жун Фэна, и, как только его поставили на землю, радостно поскакал к ним. Юаньдин поспешно перехватил его, остановив:

— Стой, Гуаньбао! Смотри отсюда, ладно? Не заходи в золу, там горячие угольки, если наступишь, на ноге волдырь вскочит!

Жун Фэн подошёл, протянул здоровую руку и, не дожидаясь, пока Бянь Хун поднимет тушу с другого конца, просто с силой рванул её к себе и в одиночку закинул на собранный рядом разделочный стол. Кабан с глухим стуком опустился на доски.

Бянь Хун краем глаза взглянул на его раненное плечо - не кровит, не распухло, значит, всё в порядке. Успокоившись, он опустил взгляд и собрался заняться разделкой туши.

Только вот... стоя перед целым телом зверя, с ножом в руках, он поднял его и тут же опустил. Сердце стучало гулко и часто, будто выбивалось из груди. Он так и не решился сделать первый надрез.

Жун Фэн, уловив в его поведении что-то не так, подошёл ближе, без слов взял у него нож и уверенно разрезал кабанью тушу по животу, быстро и ловко вытаскивая съедобные внутренности и жировые кишки.

Но когда он извлёк ещё свежее, с тёмной кровью сердце, Бянь Хун не выдержал и резко отвернулся. Слишком похоже. Слишком живо в памяти, как у солдат из его отряда, погибших на поле боя, не успели даже собрать тела, и вороны уже рвали их внутренности, оставляя на земле алую, парящую требуху...

Жун Фэн, приняв его реакцию за брезгливость к виду крови, встал между ним и разделочной тушей, заслоняя происходящее, и, обернувшись, спокойно сказал:

— Принеси из кухни таз побольше, мясо складывать.

Но Бянь Хун отказался. Он остался стоять на месте, глубоко вдохнул, а затем с силой заставил себя - вырвал нож из рук Жун Фэна, шагнул к разделочному столу и резким движением вонзил клинок.

Его движения были настолько отточенными, будто он в совершенстве знал, где у зверя проходят связки, как устроены суставы и куда идёт мышечное волокно. Жун Фэн тоже раньше забивал диких кабанов, но делал всё на глазок - порубил, как придётся, лишь бы на куски, потом уже за едой разбирались, что попало.

А тут каждый разрез точен, ни лишнего движения. Этот юный ланьцзюнь даже не разрубал кости, просто пускал лезвие по стыкам, и нога отваливалась сама, будто кто-то аккуратно отсоединил запчасть. Если бы на его месте был человек, чья-то рука или нога отошла бы с тем же спокойствием, возможно, даже легче.

На носу у Бянь Хуна выступил пот, но он быстро и без промедлений разделал всю тушу. Потом молча пошёл к колодцу, зачерпнул оттуда ледяной воды и начал мыть руки. Пальцы побелели от холода, кисти дрожали в ледяной воде, но он ничего не говорил. Он лишь яростно тёр, будто хотел стереть не кровь с рук, а что-то гораздо более глубинное, укоренившееся в памяти.

Чтобы жить, нужно смотреть вперёд. Для других оглянуться назад значит поностальгировать. А для него обернуться - значит снова вплотную встретиться со смертью.

Юаньдин уже давно принёс из кухни большой деревянный таз, сейчас он молча стоял рядом, просто находясь рядом с братом Си, дожидаясь, когда тот снова станет собой. Он уже не раз видел подобное. На бегстве, в дороге, на безлюдных склонах брат Си-ге иногда начинал делать странные, пугающие вещи. Но каждый раз в конце он всё равно возвращался, обнимал их, согревал в холодную ночь, снова становился их опорой.

Сейчас было ещё не так уж холодно, но мясо, если не обработать, быстро портится: ночью его можно было оставить на улице, но днём, когда поднимается солнце и становится теплее, жир начинает подтекать, мясо - портиться. Значит, его нужно засолить и закоптить, чтобы сохранить.

Бянь Хун достал мешочек с солью, смешал её с бадьяном и сычуаньским перцем, измельчил

всё это в самодельной ступке, затем начал втирать пряно-соленую смесь в мясо. Жун Фэн, всё ещё ковыряясь с аккуратно разобранными кабаньими костями, вдруг небрежно бросил:

— Ты раньше мясником был?

Судя по мастерству не иначе. Обычный юный ланьцзюнь, особенно тот, кто по росту и силе уступал большинству мужчин, редко становился мясником... но, конечно, исключения бывали.

Услышав вопрос, Бянь Хун удивлённо поднял глаза на Жун Фэна. Тот, видимо, никогда толком не смотрел его домовую книгу. А ведь после увольнения из армии в ней было всё записано: сколько лет прослужил, какие имел воинские заслуги, сколько врагов убил - всё по строкам, официально.

Он продолжал натирать мясо солью и пряностями, даже не подняв головы, спокойно ответил:

— Убивал. Людей.

Жун Фэн замер на мгновение, а потом вдруг усмехнулся. В его глазах мелькнула лёгкость, будто что-то изменилось. Он подумал, что этот юный ланьцзюнь, кажется, стал немного ближе, перестал бояться, начал даже шутить с ним.

Убивал людей? — подумал он с улыбкой. Да он же кровь на дух не переносит, при виде раны бледнеет, перед тем как разделать тушу полдня себя настраивал. Так что Жун Фэн только усмехнулся и не придал этим словам значения.

Когда вся туша кабана была полностью обработана, солнце уже стояло в зените. Однако в саях, что Жун Фэн притащил из гор, ещё оставалась охапка собранных трав. Бянь Хун не решался прикасаться к ним: большую часть он попросту не знал и не мог отличить лекарственное растение от простой травы.

Только одно было ему знакомо: сверху лежали ещё не оборванные с веток грозди дикого боярышника. Ягоды были свежие, крепкие, если их нарезать кружочками и высушить, получится хороший отвар для желудка и пищеварения. Хотя... желудки у них, по правде говоря, были пусты настолько, что переваривать-то особенно было и нечего.

Поскольку весь день прошёл в делах, на обед успели только наскоро поесть немного каши. После этого Жун Фэн направился за дом, через фруктовый сад, к террасным полям внизу склона копать землю. Бянь Хун хотел было остановить его, опасаясь, что у мужчины может снова открыться рана на плече, но, взглянув на поле, где уже начинал накапливаться слой мелкого снега, замолчал. Жун Фэн лишь покачал головой:

— Там ещё остались бататы. Год неурожайный, выросло немного, но и это выкопать надо.

Если затянуть, следующим снегом всё уже накроет. В голодные годы еда на вес золота. И потому Бянь Хун тоже собрался было идти помогать, спуститься с ним на поле. Но Жун Фэн не позволил. Он и так видел, что тот всё ещё не восстановился - тело тощее, истощённое, внутри ощущалась слабость. Посылать такого человека в холодную, мокрую землю, с лопатой в руках казалось неправильным, почти жестоким.

В итоге Бянь Хуну пришлось вернуться обратно. Он устроился под навесом у коптильни, продолжая подбрасывать дрова в огонь. Пламя обволакивало тело приятным теплом, в воздухе то и дело всплывал плотный, густой аромат с привкусом жира аромат. Двое детей тоже устроились у костра на корточках, грея руки, но всё их внимание было приковано вовсе не к огню, а к кускам свинины, что медленно коптились, свисая с жердей.

Бянь Хун, слушая, как у Юаньдина и Гуаньбао урчит в животах, будто гром гремит, немного подумал, а потом пошёл на кухню, взял несколько картофелин и бросил их прямо в костёр, чтобы, как испекутся, немного утолить ребятам аппетит.

Прошло совсем немного времени, и картошка, впитав жир от капающего мяса, зазолотилась и пропиталась ароматом огня. Раскрыв подгоревшую корочку, можно было увидеть мягкую, горячую, парящую жёлтую мякоть, так и манящую попробовать её с первого укуса.

Бянь Хун принёс одну, побольше, матери Жун, а оставшиеся, поменьше, очистил и подал детям. Юаньдин, жуя, всё время пытался захватить кусочек и в рот брату Си, а сам при этом съел всего полкартофелины, остальное оставил брату и Гуаньбао. Но вскоре испеклись и новые клубни. Бянь Хун снова разделил их между детьми, и тут Гуаньбао, размахивая своими маленькими ручками, испачканными золой, показал в сторону дома:

— Старший брат! Старший брат тоже должен поесть!

Бянь Хун, глядя на то, как быстро между этим ребёнком и Жун Фэном возникла связь, не мог не удивляться. Он вздохнул и взял самый крупный, ещё горячий клубень, после чего направился вниз, к террасным полям, чтобы отнести его Жун Фэну.

Солнце клонилось к закату. Косой, тёплый свет растягивал человеческие тени по земле, делая их длинными, тонкими, будто тени тех, кто шёл рядом из другого времени.

Бянь Хун стоял на возвышенности и смотрел вниз, туда, где к далёким горам тянулись обнажённые, изрезанные скалы: крутые, глубокие, пугающие. И вдруг подумал, если броситься вниз, откроется ли там иная картина, иная судьба. В этот миг он словно перестал ощущать боль. Картофелина в руке была обжигающе горячей, кожа уже покраснела от жара, но он всё равно, застыв, смотрел на пропасть под ногами.

И тут из-под склона шаг за шагом показался тот самый мужчина с разноцветными глазами, с мотыгой на плече. Его светло-голубой глаз отражал косые лучи закатного солнца, будто колышущаяся гладь моря.

— Минь Си.

Голос мужчины оборвал ход мыслей Бянь Хуна. Лишь тогда он осознал, как жжёт ладонь, и с тихим «шш» дёрнулся, собираясь выронить картошку. Но мужчина уже был рядом, ловко подхватил её, не задавая ни единого вопроса, подул, чтобы остыла, и тут же откусил.

Это был первый раз, когда Жун Фэн назвал его по имени. И после этого он надолго замолчал.

Присутствие этого человека рядом, сильное, осязаемое, наконец целиком перетянуло на себя взгляд Бянь Хуна. Тело само собой отступило на шаг от крутого обрыва. Он повернул голову и спросил:

— Что?

Жун Фэн отвёл взгляд от далёких, волнообразных гор и посмотрел на стоящего рядом ланьцзюня, чья макушка едва доставала ему до груди.

— Что будем есть вечером?

Такой обыденный, до предела земной вопрос заставил Бянь Хуна на мгновение растеряться. Но тело отреагировало быстрее мысли, ответ сорвался сам собой:

— Свинина, тушёная с картошкой.

Жизнь человека в этом мире, в сущности, и состоит из трёх приёмов пищи в день.

<http://bllate.org/book/13502/1199899>